ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 16 чиселъ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской Семинаріи,-въ квартирѣ Ректора.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей безъ доставки 4 р. 50 к. съ пересылкою 5 руб.

16 Октября № 20. 1873 года

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА.

Отъ 9 Сентября 1873 г. за № 38.—*Объ обязанности причтовъ не хранить при церквахъ значительныхъ суммъ и денежныхъ процентныхъ бумагъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали донесеніе одного изъ Епархіальныхъ Начальствъ о похищеніи изъ церкви значительной суммы. Справка: Циркулярными указами Святѣйшаго Сѵнода отъ 29 Октября 1865 г. и 15 Октября 1869 г. вмѣнено было въ непремѣнную обязанность причтамъ не оставлять при церквахъ въ наличности денегъ

болѣе ста рублей. Приказали: Усматривая изъ настоящаго и другихъ донесеній, что причты нѣкоторыхъ церквей, вопреки означеннымъ циркулярнымъ указамъ Святѣйшаго Сѵнода, оставляютъ при церквахъ значительныя суммы, которыя нерѣдко подвергаются кражѣ, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ: предписать указомъ всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ: 1) строжайше подтвердить церковнымъ причтамъ и старостамъ, чтобы они, согласно Высочайшему повелѣнію, объявленному въ циркулярномъ указѣ Святѣйшаго Сѵнода 29 Октября 1869 г., ни подъ какимъ видомъ не оставляли при церквахъ болѣе ста рублей; 2) чтобы па внесенныя въ кредитныя учрежденія церковныя суммы были пріобрѣтаемы непремѣнно именные билеты на имя церквей, и 3) чтобы могущіе оказаться у церквей билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ неотложно были передаваемы, подъ росписки на имя церквей, для храненія въ Государственный Банкъ или въ мѣстныя Конторы и Отдѣленія онаго. При семъ предварить церковные причты и старостъ церковныхъ, что въ случаѣ неисполненія сего указа виновные будутъ подвергнуты законной отвѣтственности.

Отъ 28 Августа 1873 г. за № 36.—*О книгѣ Протоіерея Холколиванова: „Православное Нравственное Богословіе.“*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали предложенный Господиномъ Исправляющимъ должность Оберъ-Прокурора журналъ Учебнаго Комитета, № 96, о допущеніи къ употребленію въ духовныхъ Семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія, сочиненія Протоіерея Іоанна Халколиванова: „Православное нравственное Богословіе« (Самара 1872 года)

Приказали: Заключеніе Учебнаго Комитата утвердить и для объявленія о семъ Правленіямъ духовныхъ Семинарій, къ надлежащему исполненію, препроводить, въ копіи, при печатномъ указѣ епархіальнымъ Преосвященнымъ самый журналъ Комитета.

Копія.

ЖУРНАЛЪ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 96.

О сочиненіи Протоіерея Холколиванова: „Православное нравственное Богословіе (Самара 1873 г.)“

„Православное Нравственное Богословіе“ Протоіерея Холколиванова, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ придисловіи къ своему сочиненію, имѣетъ ту особенность, что оно составлено по программѣ нравственнаго Богословія, изданной для Семинарій Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ. Авторъ имѣлъ цѣлію дать учебное руководство по нравственному Богословію, вполнѣ отвѣчающее указанной программѣ, которая внесла въ содержаніе этой науки много вопросовъ, не рѣшаемыхъ принятымъ учебникомъ по этому предмету о. Солярскаго. Дѣйствительно, въ новый учебникъ, составленный Холколивановымъ, вошли почти всѣ вопросы, заключающіеся въ нормальной программѣ по нравственному Богословію, за исключеніемъ послѣдняго отдѣла, подъ названіемъ „сравнительный отдѣлъ нравственнаго Богословія“, въ которомъ указываются и разбираются особенности нравственныхъ воззрѣній въ католичествѣ и протестанствѣ въ сопоставленіи съ православнымъ нравственнымъ ученіемъ. Исключеніе это впрочемъ, очень важно въ учебникѣ, составленномъ по новой

программѣ. Этотъ пробѣлъ долженъ быть причисленъ къ числу важныхъ опущеній въ сочиненіи, которое имѣетъ задачею облегчить для преподователей и для воспитанниковъ выполненіе требованій нормальной программы, какъ потому что опущеніе это касается цѣлаго отдѣла, а не единичныхъ вопросовъ, дополняющихъ и выясняющихъ содержаніе учебника, такъ и потому, что отдѣлъ этотъ по преимуществу новъ, въ числѣ всѣхъ другихъ, вновь вводимыхъ программою, вопросовъ, вслѣдствіе малой разработки его въ наукѣ и трудности найти для него вполнѣ удовлетворительное руководство даже въ западной литературѣ. Въ виду этого и въ самой программѣ отдѣлъ этотъ изложенъ пространно, съ послѣдовательнымъ и частнѣйшимъ развитіемъ заключающихся въ немъ положеній. Есть основаніе думать, что и самъ составитель учебника опустилъ его въ виду тѣхъ особенныхъ трудовъ, какіе необходимо требовались при его изложеніи въ учебникѣ. Въ декабрской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника" за 1872, годъ, въ отвѣтной статьѣ рецензенту его сочиненія, указавшему на этотъ недостатокъ, авторъ говоритъ, что недостатки нравственнаго ученія у католиковъ и протестантовъ отчасти указаны самою программою въ другихъ предыдущихъ отдѣлахъ подъ рубриками „обзоръ философскихъ и религіозныхъ ученій, противныхъ истинному Богопочитанію" и „пороки, противные обязанностямъ внѣшняго Богопочитанія" Здѣсь указываются многія изъ свойствъ католической и протестанской нравственности: фанатизмъ, фарисейство, индифферентизмъ. Наставникъ по его словамъ, при объясненіи указанныхъ недостатковъ, можетъ объяснить, какіе особенные недостатки, по складу религіозному, можно находить у католиковъ, и какіе у лютеранъ. Но программа имѣетъ въ виду цѣльный, послѣдовательно развитый взглядъ на нравственность католическую и протестантскую, чего никакъ не могутъ замѣнить отрывочныя замѣча-

нія. Несомнѣнно, во всякомъ слачаѣ, что этотъ послѣдній отдѣлъ программы по преимуществу затрудняетъ преподавателей, вызывая необходимость съ ихъ стороны выдавать воспитанникамъ въ дополненіе къ учебнику особыя записки или подробный конспектъ своихъ уроковъ. Но и внесенные изъ программы вопросы въ новый учебникъ не всѣ изложены съ надлежащею удовлетворительностію. 1) Не всѣ они даже постановлены и поняты правильно. Точка зрѣнія автора на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ не можетъ быть не признана одностороннею. Особенно нужно сказать это о вопросахъ изъ общей части нравственнаго Богословія, заключающей въ себѣ ученіе о нравственномъ законѣ и условіяхъ нравственнаго развитія, гдѣ нужно психологически и вообще философски оправдать ученіе о нравственныхъ цѣляхъ человѣческой жизни. Здѣсь по преимуществу замѣчается у автора отсутствіе строгаго научнаго взгляда на дѣло. Здѣсь онъ часто предполагаетъ извѣстнымъ то, что требуетъ оправданія и уясненія, и доказываетъ тѣмъ, что само требуетъ доказательства и должно составлять преимущественный предметъ доказательствъ. Такъ, вопросъ объ отношеніи между религію и нравственностію, требовавшій выясненія того, можетъ ли быть истинная нравственность безъ религіи и что даетъ религія для развитія нравственнаго чувства и нравственной дѣятельности,—вопросъ очень сложный и не легкій,—весь сводится къ мысли о томъ, что христіанство благотворно дѣйствуетъ на человѣческую нравственность. Сущности вопроса авторъ и не коснулся. Отвѣтомъ на него служитъ одна фраза: „всюду усматривается неразрывная связь вѣры и жизни". (стр. 1—2). Бытіе въ человѣкѣ свободы, по воззрѣнію автора, легко доказывается нагляднымъ опытомъ; ибо человѣкъ иное предпринимаетъ сегодня, иное завтра; прерываетъ рядъ своихъ дѣйствій, когда хочетъ; иногда начинаетъ дѣйствія, противоположныя прежнимъ, ... существованіе этой

свободы, по его словамъ, доказываютъ всѣ человѣческія законы и учрежденія; о тойже свободѣ ясно учитъ и Слово Божіе" (стр. 9). Очевидно, авторъ вовсе не понялъ силы поставленнаго въ программѣ вопроса о сводѣ въ связи съ побужденіями, опредѣляющими человѣческую дѣятельность, и тѣхъ возраженій, какія дѣлаются противъ понятія о свободѣ и которыя предполагаются постановленнымъ въ программѣ вопросомъ о свободѣ, какъ силѣ нравственнаго самоопредѣленія. Отрицающіе бытіе свободы знаютъ все то, на что указываетъ авторъ, и, однакожъ, находятъ возможнымъ возражать. Автору нуженъ былъ научный анализъ понятія о свободѣ. Въ отдѣлѣ о добродѣтели и грѣхѣ программою внесенъ вопросъ о значеніи такъ называемаго смертнаго грѣха, понятіе о которомъ не довольно ясно опредѣлено въ богословіи донынѣ. Авторъ, вмѣсто выясненія его, замѣчаетъ только о томъ, что это „грѣхъ, влекущій за собою вѣчную погибель", и старается оправдать, на основаніи свидѣтельства Слова Божія, существующія понятія о смертномъ грѣхѣ, тогда какъ самыя эти понятія требовали бы ограниченія (стр. 41). Правильной точки зрѣнія на вопросъ и здѣсь не видно. Въ отдѣлѣ объ обязанностяхъ къ самому себѣ программа вводитъ вопросъ о значеніи для нравственности эстетическаго образованія сердца. Авторъ ограничивается въ изложеніи отвѣта на этотъ вопросъ замѣчаніемъ, что „благолѣпный храмъ, стройное пѣніе св. гимновъ и игра св. гимновъ на музыкальныхъ инструментахъ можетъ благотворно дѣйствовать на сердце,"—и все сводитъ, такимъ образомъ, къ священному, религіозному искуству, не говоря вовсе объ искусствѣ вообще. Или авторъ не понялъ вопроса, или держится односторонняго взгляда, отрицая всякое нравственное значеніе общаго эстетическаго образованія. Кажется, это послѣднее. Онъ замѣчаетъ въ заключеніе, что обращеніе талантовъ на служеніе міру и его троякой похоти есть видъ

идолопоклонства и не достойно христіанина (стр. 138). Но искусство можетъ не быть священнымъ и религіознымъ въ строгомъ смыслѣ слова и въ тоже время не служить похоти міра. Поэзія, живопись и музыка, не обращаясь въ св. гимнъ и игру св. пѣснопѣній или изображеніе св. событій, могутъ служить, какъ и служатъ часто, для выраженія чисто нравственныхъ чувствъ и понятій. Безусловное отрицаніе нравственнаго значенія искусства несправедливо, и съ христіанской и съ психологической точки зрѣнія. Религія даетъ основу, общій нравственный типъ искусству, но это послѣднее не сливается съ нею и не исчезаетъ въ ней, а имѣетъ самостоятельное значеніе о значеніи формъ благотворительности единичной и общественной. Поводомъ къ этому служило донынѣ существующее недоумѣніе относительно нравственнаго значенія общественной благотворительности, которая, повидимому, имѣетъ характеръ дѣятельности, чисто формальной, сухой, безсердечной, тогда какъ единичная благотворительность сопровождается живымъ обмѣномъ человѣческихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе способствуетъ развитію симпатіи и добрыхъ чувствъ къ ближнему. Авторъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу общественной благотворительности въ виду того, что бѣдные люди не всегда честны, съ чѣмъ можно согласиться, но не видно, чтобы онъ вполнѣ ясно понималъ самое значеніе вопроса, потому что все выясненіе характера единичной благотворительности у него ограничивается чисто практическимъ вопросомъ объ удобствахъ благодѣяній: единичная благотворительность, по его словамъ, была бы лучше, потому что представляетъ ни чѣмъ не замѣнимое для бѣдныхъ удобство имѣть во время нужную помощь (стр. 179). Большая часть другихъ вопросовъ, указанныхъ программою, поняты вѣрно, но изложены очень обще и не вполнѣ удовлетворительно, по недостатку анализа.—Авторъ развиваетъ свои мысли большею частію съ

чисто формальной только, логической, стороны, старается набрать большее количество доказательствъ на то, что не требуетъ формальныхъ доказательствъ, и упускаетъ изъ вниманія психологическую сторону нравственныхъ проявленій и требованій. Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ въ тѣхъ трактатахъ, содержаніе которыхъ непосредственно касается душевныхъ состояній. Достаточно указать на нѣкоторые, болѣе выдающіеся, примѣры. Въ трактатѣ о совѣсти, какъ руководительномъ нравственномъ началѣ и различныхъ ея обнаруженіяхъ, авторъ ограничился общими замѣчаніями о дѣйствіяхъ совѣсти, не выяснивъ существеннаго и главнаго, есть ли что-либо общее для всѣхъ людей въ томъ, что называется внушеніемъ совѣсти и на чемъ основано и чѣмъ объясняется различіе въ совѣсти, доходящее, по словамъ самаго автора, до того, что совѣсть разнообразится по числу единичныхъ лицъ. Онъ говоритъ, что совершенная совѣсть та, которая называетъ добро добромъ, а зло—зломъ. Но это-общее мѣсто, ничего не разъясняющее,—что же такое добро и зло,—рѣшеніе этого существеннѣйшаго вопроса осталось не тронутымъ, ни въ трактатѣ о совѣсти, ни въ другихъ отдѣлахъ книги. (стр. 14—15). Авторъ не входитъ въ психическій анализъ нравственныхъ явленій, а только или описываетъ ихъ внѣшнія обнаруженія, или сводитъ ихъ къ общимъ, отвлеченнымъ понятіяхъ и опредѣленіямъ. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ о проявленіяхъ нравственности внѣ христіанства, о нравственныхъ воззрѣніяхъ въ языческихъ религіяхъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ философскихъ, отличается такими же общими мѣстами (locus topicus), по которымъ трудно составить надлежащее понятіе о томъ, что содержало въ себѣ языческое нравственное ученіе и что даетъ философская нравственность. Нѣтъ никакихъ точныхъ и опредѣлительныхъ данныхъ касательно нравственности внѣ христіанства. Нравственность языческая по словамъ сочинителя, „за весьма немногими исключеніями, была крайне порочна и развращеп-

на". Какія же исключенія—въ этомъ главное, но на это нѣтъ никакого отвѣта. Все, что находитъ авторъ характеристическаго въ нравственномъ ученіи языческихъ религій, у него состоитъ въ томъ, что „храмы въ честь Бахуса и Венеры—были открытыми домами всякаго непотребства и безстыдства" (стр. 17—18). Но это-въ грекоримской религіи и притомъ только въ честь извѣстныхъ, отдѣльныхъ божествъ, и этимъ далеко не обнималось богопочитаніе не только всѣхъ языческихъ религій, но и самой греко-римской религіи. Сочинитель далѣе прибавляетъ, будто язычники были увѣрены, что служеніе Богу не заключается въ нравственности, а тѣмъ менѣе въ добродѣтели, „язычникъ не просилъ своихъ боговъ о добродѣтели" (стр. 17—18). Относительно всего язычества—это далеко несправедливо. Въ разсужденіи о нравственности философской сочинитель имѣетъ въ виду по преимуществу древнихъ философовъ—Сократа, Платона и Аристотеля, замѣчая, что если и высказывались ими довольно возвышенныя нравственныя истины, то на дѣлѣ они сами имъ противорѣчили, а о новѣйшей философіи говоритъ очень кратко, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ о томъ, что пантеисты и матеріалисты учатъ мыслить и дѣлать, что угодно, не заботясь ни о грѣхѣ, ни о добродѣтели. Правда, что пантеизмъ ведетъ къ нравственному безразличію, но въ той формѣ, какъ это высказано у сочинителя, мысль эта, въ приложеніи къ пантеизму, оказывается не совсѣмъ вѣрною. Прямаго отрицанія всякихъ нравственныхъ началъ пантеисты не высказывали. Слѣдовало это выяснить точнѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе, что теоріи пантеистовъ уже предполагаются извѣстными воспитанникамъ изъ обзора философскихъ ученій, и сдѣланное авторомъ замѣчаніе имъ самимъ можетъ показаться недостаточнымъ и мелочнымъ. Описаніе нравственнаго состоянія подзаконнаго человѣка, по изображенію Апостола Павла въ посланіи къ римлянамъ, у автора ограничи-

вается также общими понятіями, далеко неудовлетворительными для выясненія того рабства грѣху, въ которомъ, по слову апостола, пребывалъ ветхозавѣтный человѣкъ. Подзаконный человѣкъ „плотянъ, преданъ подъ грѣхъ, не можетъ совершать дѣлъ праведности",—вотъ почти все, что говоритъ объ этомъ авторъ, только повторяя, но не выясняя извѣстныя выраженія въ посланіи къ римлянамъ. Отъ чего онъ плотянъ и преданъ подъ грѣхъ и что такое эта плотяность и рабство грѣху, это ни одинимъ словомъ не выяснено.—Еще не удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующіе за тѣмъ отдѣлы: „о постепенномъ развитіи грѣха и переходѣ его въ страсть и постоянную настроенность; Духъ благодати и дѣйствія Его въ дѣлѣ возрожденія человѣка въ началѣ, продолженіи и на высшихъ степеняхъ совершенства; объ обращеніи человѣка грѣшника къ Богу; характеристика состоянія нравственной нераскаянноси и ходъ нравственной жизни послѣ обращенія". Если гдѣ, то здѣсь—въ этихъ вопросахъ, по преимуществу, требовалось психологическое выясненіе предметовъ, но его-то именно и нѣтъ. „Грѣхъ, какъ прирожденная порча, какъ зараза, начинаясь похотію, возрастаетъ въ страсть, а страсть сама по себѣ есть рабство грѣху". Вотъ все, что заключаетъ въ себѣ отвѣтъ автора на вопросъ о постепенномъ развитіи грѣха. Какъ же грѣхъ переходитъ въ страсть, что способствуетъ этому переходу и что можетъ его задержать,—это остается непонятнымъ и самая постепенность въ развитіи грѣха вовсе не указывается. Грѣхъ по словамъ сочинителя, *быстро* переходитъ въ страсть (стр. 39). Дѣйствія благодати въ возрожденномъ человѣкѣ изображаются также обще и отвлеченно, безъ изъясненія текстовъ, въ которыхъ говорится объ этомъ. Моменты обращенія грѣшника, по изображенію притчи о блудномъ сынѣ, указанные въ самой программѣ, также мало раскрыты съ психологической стороны и разсужденіе автора объ этомъ

есть только повтореніе того, что дано самою программою, т. е. есть больше перечисленіе и указаніе этихъ моментовъ, а не ихъ анализъ. Нравственная нераскаянность характеризуется также обще и отвлеченно. „Нераскаянный творитъ не волю Божію, а волю діовола, не занимается предметами спасенія“ и т. п. (стр. 62). „Человѣкъ, обратившійся къ Богу“, говоритъ авторъ въ разъясненіе хода нравственной жизни послѣ обращенія, „въ дѣйствіяхъ своихъ руководится словомъ Божіимъ и благодатными вразумленіями и всецѣло посвѣщаеть себя благочестивымъ занятіямъ, которыя еще болѣе укрѣпляютъ его въ жизни Божіей. Кромѣ этой, также общей, мысли ничего нѣтъ для рѣшенія и этого вопроса (стр. 63). Характеристика частнѣйшихъ нравственныхъ свойствъ и проявленій, внесенныхъ программою въ отдѣлы о частныхъ добродѣтеляхъ, также не полна и страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ формальности и сухости. Все отличіе христіанской надежды отъ стоическаго терпѣнія и фатализма въ томъ, что стоикъ надѣется на свои подвиги и силы, а христіанинъ—на силы божественныя, что въ фатализмѣ есть постоянство, но не осмысленное и почему-то *необузданное* (стр. 80). Желалось бы видѣть яснѣе, что же даетъ для нравственной жизни осмысленное христіанское постоянство и что получается для жизни отъ надежды не на себя, а на божественныя силы. Опредѣляя значеніе различныхъ формъ подвижничества съ нравственной точки зрѣнія, по требованію программы, авторъ ограничивается только оправданіемъ, такъ сказать, этихъ формъ, желая всѣ извѣстныя особенности подвижничества обосновать на словѣ Божіемъ или на библейскихъ примѣрахъ, и оставляя въ сторонѣ вопросъ о значеніи этихъ разныхъ формъ подвижничества для самихъ подвижниковъ, т. е. для ихъ нравственнаго развитія и совершенства (стр. 114). Даже такой исключительный по своей формѣ подвигъ, каково юродство, остался мало разъяснен-

нымъ въ его внутренней, психической сторонѣ. Авторъ говоритъ въ его объясненіе только то, что простота дѣтская есть выраженіе нравственнаго совершенства и что произвольное принятіе на себя этой простоты не противно разуму, потому что совершается не изъ тщеславія, а для любви къ Богу, не касаясь вовсе того, какая добродѣтель или какое нравственное свойство по преимуществу выражается въ этомъ подвигѣ и какъ св. юродивые могутъ сохранять въ чистотѣ мысль и чувство, совершая, повидимому, соблазнительныя дѣйствія, а равно и о томъ, какое вліяніе общественное могли имѣть этого рода подвиги (стр. 115).

Такимъ образомъ та особенность сочиненія о. Протоіерея Халколиванова, что оно составлено по новой программѣ значительно уменьшается въ своемъ достоинствѣ, какъ по тому, что книга его его не обнимаетъ собою всего, заключающагося въ программѣ, такъ и отъ того, что многіе изъ вопросовъ, введенныхъ программою, изложены не вполнѣ удовлетворительно, потому что они поняты не совсѣмъ вѣрно и односторонне, или недостаточно разъяснены.

Но и въ тѣхъ частяхъ сочиненія, гдѣ излагаются предметы общіе съ нынѣ принятымъ учебникомъ, оно страдаетъ тѣми же недостатками, т. е. обиліемъ такъ называемыхъ общихъ мѣстъ, отвлеченностію и безсодержательностію изложенія. Авторъ набираетъ всегда достаточное количество доказательствъ, забывая, что въ изложеніи нравственныхъ истинъ важны не эти формальныя доказательства, а выясненіе нравственныхъ началъ и душевныхъ стремленій. Выяснить эту связь частныхъ нравственныхъ требованій съ общими и основными нравственными истинами, указать внутреннее побужденіе къ добродѣтели и животворное значеніе ея для нравственнаго чувства, значитъ уже доказать необ-

ходимость извѣстнаго нравственнаго требованія и сдѣлать все, что нужно. Если гдѣ, то въ области нравственнаго Богословія, различны дробныя и чисто формальныя доказательства мало умѣстныя. Далеко не такова книга о. Халколиванова, страдающая недостаткомъ излишней формальности и отвлеченности, при скудости содержанія. Вотъ нѣсколько примѣровъ на то. Дѣйствительное бытіе нравственнаго закона, по словамъ автора, доказыватся общимъ стремленіемъ всѣхъ людей къ добру,—это же доказываютъ почему-то и и всѣ произведенія наукъ и искусствъ, *мореплаваніе,* торговля и всѣ полезныя человѣческія дѣла, но особенно ясно показываетъ присутствіе нравственнаго закона само Слово Божіе. Нѣсколько доказательствъ, но почти ни одно изъ нихъ не убѣждаетъ, потому что они слишкомъ общи. Гдѣ и въ чемъ это стремленіе къ добру, о которомъ говоритъ авторъ, какъ о стремленіи всеобщемъ,—какимъ образомъ слово Божіе, можетъ доказывать истину бытія нравственнаго закона для тѣхъ, кто отвергаетъ это слово Божіе, каковы всѣ отрицающіе бытіе нравственнаго закона? Разсуждая о добродѣтели естественной и объ отличіи ея отъ христіанской, авторъ не разъ замѣчаетъ, что первая „несовершенна и погрѣшительна", но неуказываетъ въ частности чѣмъ она не совершенна и въ чемъ именно погрѣшительна, —и здѣсь какъ и вездѣ, ограничиваясь самою общею, ничего не говорящею мыслію. Тою же формальностію и отсутствіемъ анализа отличаются и частнѣйшія разсужденія автора о добродѣтеляхъ и порокахъ, состоящія въ однихъ отвлеченныхъ опредѣленіяхъ, не выясняющихъ внутреннихъ душевныхъ побужденій къ добродѣтели. Авторъ доказываетъ необходимость молитвы, напр., изъ идеи о Богѣ, присущей нашей душѣ, и изъ разсмотрѣнія свойствъ Божіихъ и недостатковъ человѣческихъ, и изъ разсмотрѣнія бѣдствій и несчастій, и изъ благотворительности молитвы, и изъ того что она за-

повѣдана словомъ Божіимъ, а между тѣмъ почти ничего не говоритъ о внутренней, душевной потребности въ молитвѣ для вѣрующей души, что дѣлало бы почти излишними всѣ представленныя авторомъ доказательства. Говоря о смиреніи и совмѣстности его съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ все рѣшаетъ только чисто отвлеченнымъ понятіемъ о томъ, что смиреніе имѣетъ въ виду Божію славу, благо ближнихъ и собственное спасеніе, и что за него обѣщается высокая награда, не изображая душевныхъ состояній смиреннаго человѣка. Точно также авторъ вращается въ сферѣ чисто отвлеченныхъ понятій и въ разсужденіи объ отличіи самолюбія отъ законной любви къ себѣ, ни мало не разъясняя, чѣмъ отличаются проявленія самолюбія отъ истинной любви къ себѣ. „Самолюбіе есть порокъ, а любовь къ себѣ —чувство святое, угодное Богу, самолюбіе—отъ діавола, самолюбіе—нашъ врагъ“ и т. п., но гдѣ границы между самолюбіемъ и любовію къ себѣ, въ чемъ характерныя черты того и другой, на это почти нѣтъ указаній. Разсуждая о дуэли, вмѣсто того чтобы выяснить неразумность защищенія чести посредствомъ поединка, авторъ вдается въ общія разсужденія о благодушномъ перенесеніи обидъ и терпѣніи ихъ, оставляя такимъ образомъ совершенно не тронутымъ частнѣйшій вопросъ о дуэли, какъ защитѣ чести. Особенно скудно содержаніемъ, сухо и отвлеченно его изложеніе обязанностей различныхъ частныхъ лицъ извѣстнаго состоянія и положенія. Это—сухія рубрики, наполненныя общими мѣстами. Обязанности, напр. художниковъ и ремесленниковъ, по словамъ автора, слѣдующія: они должны быть рачительны въ исполненіи своихъ обязательствъ, руководиться тою мыслію, что они христіане, должны посѣщать богослуженіе, не увлекаться славой, если пріобрѣтутъ богатство. Многія изъ этихъ обязанностей, очевидно, общи всѣмъ христіанамъ. Крестьянинъ, по словамъ его, долженъ быть трудолюбивъ,

преданъ церкви, обращаться съ молитвою къ Богу, избѣгать пороковъ. Что особеннаго съ нравственной точки зрѣнія представляетъ быть крестьянъ, объ этомъ нѣтъ слова. Послѣдовательности внутренней въ изложеніи добродѣтелей, часто непосредственно связанныхъ между собою, вовсе нѣтъ. Грѣхи и добродѣтели перечисляются одинъ за другимъ, ни чѣмъ не связанные и представляя собою простой перечень или сухую номенклатуру. Правда, всѣ эти недостатки, т. е сухость, отвлеченность и формальность въ изложеніи нравственныхъ истинъ, общи всей существующей литературѣ нашей по нравственному богословію, они составляютъ недостатокъ и нынѣ принятаго учебника по этой наукѣ. Но въ послѣднемъ, т. е. въ учебникѣ о. Солярскаго, этотъ недостатокъ менѣе замѣтенъ. Книга его вообще содержательнѣе сравнительно съ книгою о. Халколиванова. Скудость содержанія въ сочиненіи послѣдняго вовсе не есть слѣдствіе краткости, требуемой отъ учебника. При настоящемъ же объемѣ книги, она могла быть гораздо болѣе содержательною. Въ своемъ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что, въ виду небольшаго количества уроковъ, онъ долженъ былъ сокращать въ книгѣ число доказательствъ. Но книга его ничего не потеряла бы, если бы онъ еще болѣе сократилъ количество своихъ формальныхъ доказательствъ на то, что не нуждается въ доказательствахъ, и вмѣсто этого постарался бы выяснить внутреннюю, психическую, сторону нравственныхъ требованій. Сверхъ этого общаго недостатка, проникающаго почти все сочиненіе о. Холколиванова и состоящаго въ отсутствіи анализа и отвлеченности изложенія, встрѣчаются нѣкоторыя частныя мысли, не совсѣмъ вѣрныя, или выраженныя не точно и возбуждающія недоумѣніе. Нѣкоторыя изъ этихъ неправильныхъ мыслей происходятъ изъ односторонняго, узкаго взгляда и основываются на фальшивой религіозности или ложномъ благочестіи. Такъ, въ разсужденіи о признакахъ

истинной любви къ Богу, авторъ напрасно защищаетъ рабскій страхъ къ Богу, доказывая, что онъ „полагаетъ начало пути добродѣтельнаго и можетъ переходить въ страхъ сыновній“ (стр. 89). Нельзя отвергать, конечно, такого значенія рабскаго страха предъ Богомъ, но не нужно забывать, что это—свойство ветхозавѣтной праведности и что въ христіанствѣ нѣтъ мѣста для такихъ рабскихъ чувствъ. Трудно понять, что хотѣлъ сказать авторъ, когда говорилъ въ своемъ разсужденіи о любви къ присным: „Любовь къ приснымъ, будучи естественною въ каждомъ человѣкѣ, въ христіанинѣ освящается благодатію Св. Духа и становится даромъ Духа“ (стр. 172). Бракъ освящается благодатію, но о любви къ роднымъ вообще сказать, это значило бы сказать очень много —Въ разсужденіи о дружбѣ, послѣ замѣчанія о томъ, что дружба должна быть основана на страхѣ Божіемъ, авторъ присовокупляетъ, что дружба должна имѣть предметомъ для своего занятія истинное благочестіе, славу Божію и вѣчное спасеніе. А потому враги истинной вѣры и люди порочные не могутъ быть истинными друзьями (стр. 182). Дружба есть естественное чувство пріязни человѣка къ человѣку, оно можетъ въ христіанинѣ возвышаться, принимая тотъ религіозно-нравственный характеръ, о которомъ говоритъ авторъ, но въ высшей степени было бы странно и несообразно съ дѣйствительностію отрицать возможность дружбы въ людяхъ невѣрующихъ. Въ разсужденіи о воспитаніи физическомъ, нравственномъ и религіозномъ, сочинитель, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующее, неумѣстное въ учебникѣ и само въ себѣ странное замѣчаніе: родители должны для этой цѣли (т. е. для будущихъ дѣтей) показывать всякій видъ умѣренности и воздержанія, особенно съ того времени, какъ сознаютъ себя родителями (стр. 215). Опровергая ложныя современныя ученія о положеніи женщины и ея общественномъ значеніи, авторъ впадаетъ въ другую крайность, относясь къ женщинѣ

слишкомъ сурово. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что женщина по тому обязана подчиняться мужу, что она несохранила заповѣди и первая не только соблазнилась, но и соблазнила мужа. Мысль эта основана на словахъ Апостола Павла (1 Тим. 2. 11—15); но смыслъ изреченія апостола едва ли понятъ вѣрно. Мысль апостола не та, что жена нравственно ниже, больше согрѣшила,—Адамъ остается все таки главнымъ виновникомъ грѣха (Рим. 5, 12, 14, 1 Кор. 15, 22), а та только, что жена не устояла противъ внѣшнихъ вліяній, внѣшней силы. Онъ не укоряетъ Евы, а только наклоняетъ мысль къ тому, что стремленіе женщины—слабой, впечатлительной—выйти изъ предѣловъ женскаго приличія—не ведетъ къ добру. Апостолъ говоритъ это въ виду ложныхъ взглядовъ на общественное положеніе женщины и хочетъ сказать, что ей не свойственна внѣшняя власть, что иначе сложены ея силы и душевныя стремленія. Разсуждая о коммунизмѣ, сочинитель характеризуетъ коммунистовъ такими чертами: „это —или несчастные, которые ничего не имѣя, ни своего, ни наслѣдственнаго, питаются подаяніемъ или грабежемъ, или тѣ, которые убили въ себѣ всякое чувство пріязни, дружбы и родства“ (227). Какъ извѣстно, многіе изъ коммунистовъ и соціалистовъ не принадлежатъ ни къ той, ни къ другой категоріи, и отъ лживаго преувеличенія ихъ нравственныхъ недостатковъ опроверженіе коммунизма, конечно, ничего не пріобрѣтаетъ. Излишне строгое и ригористическое сужденіе высказываетъ авторъ и на самыхъ послѣднихъ страницахъ своей книги въ разсужденіи объ обязанностяхъ въ отношеніи къ животнымъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ здѣсь: „съ другой стороны и здравый разумъ и слово Божіе положительно осуждаютъ излишнее попеченіе нѣкоторыхъ христіанъ о животныхъ, доводящее ихъ до забвенія обязанностей къ Богу и ближнимъ. Если и всякая излишняя забота о временномъ, болѣе осмысленная, напр. забота объ играхъ

и забавахъ дѣтей, о нарядахъ дѣтскихъ не можетъ быть одобрена въ христіанинѣ,.... то, очевидно, что излишнія, тѣмъ болѣе страстныя заботы о животныхъ еще менѣе сообразны съ словомъ Божіимъ и здравымъ разумомъ и, какъ незаконныя и неправиллныя, суть тяжкій, смертный грѣхъ предъ Богомъ и противу ближняго (248). Напрасно авторъ придаетъ такое противу-нравственное значеніе привязанности къ нѣкоторымъ животнымъ, которая чаще всего совершенно невинна и основана часто на ложной чувствительности, но ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ названія тяжкаго, тѣмъ болѣе *смертнаго* грѣха. Она можетъ и не сопровождаться никакими несправедливостями въ отношеніи къ ближнимъ.

Языкъ книги ясный, довольно точный, простой и правильный. Вообще, внѣшняя сторона сочиненія,—выраженіе мыслей—не представляетъ недостатковъ. Можно указать лишь нѣсколько не совсѣмъ удачныхъ и не совсѣмъ правильныхъ выраженій. Таковы: „въ слѣдствіе омертвѣнія духа *ко* всему священному (стр. 102), наилучшіе *путевожди* (стр. 121)“ вмѣсто путеводители—слово неупотребительное. „Другія радости суть чувстенныя о *пищахъ* и *питіяхъ*“ (стр. 147) Ни то, ни другое слово не склоняются по-русски во множественномъ числѣ.

На основаніи вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ не находитъ возможнымъ рекомендовать для духовныхъ Семинарій сочиненіе Протоіерея Халколикованова: „Православное нравственное Богословіе“, въ качествѣ учебнаго руководства по сему предмету, но полагалъ бы дозволить употребленіе этой книги въ Семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по тому же предмету.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ПЕНЗЕНСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

(Къ исполненію духовенству).

Предсѣдатель съѣзда Духовенства Краснослободскаго училищнаго округа Священникъ Василій Масловскій рапортомъ отъ 19 Сентября 1873 года за № 37, донесъ Консисторіи, что съѣздъ Духовенства училищнаго округа, бывшій 27 Іюня сего года, имѣя въ виду распоряженіе Епархіальнаго Начальства о командированіи по одному Депутату отъ каждыхъ 10-ти причтовъ на имѣющіе быть съѣзды, обратилъ вниманіе на то, что отъ благочиній: Бенедиктова и Іоанна Автократова неявилось ни одного Депутата, Преображенскаго и Хитровскаго вмѣсто двоихъ по одному, Протоіерея Алмазова, вмѣсто трехъ, одинъ.—Съѣздъ, находя таковую уклончивость самоволіемъ, счелъ нужнымъ занести о семъ въ журналъ и просить Его Преосвященство сдѣлать надлежащее побужденіе тѣмъ, до кого это будетъ касаться. На этомъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 3 Іюля послѣдовала таковая: „Предсѣдателю съѣзда предлагаю по сему предмету сообщить Консисторіи для должнаго распоряженія, чтобы Консисторіею было сдѣлано отъ моего лица надлещее побужденіе, указаннымъ въ журналѣ лицамъ.“ По выслушаніи сего рапорта и справки, Пензенская Духовная Консисторія въ журналѣ отъ 3 Октября 1873 Положила: Въ виду резолюціи Его Преосвященства, послѣдовавшей 3 Іюля 1873 года на журналѣ съѣзда Духовенства Краснослободскаго училищнаго округа, бывшаго 27 Іюня 1873 года, вновь подтвердить Благочиннымъ, указаннымъ въ рапортѣ Предсѣдателя съѣзда Священника Василія Масловскаго, чтобы они, а равно и прочіе Благочинные Епархіи, на будущее время

въ точности исполняли распоряженіе Пензенскаго Епархіальнаго Начальства, пропечатанное въ 17 № Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1867 года; въ противномъ случаѣ будутъ подвергаемы строгому взысканію по законамъ. На этомъ журналѣ резолюція Его Преосвященства 4 Октября послѣдовала: „Исполнить.“

III.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1., Отъ Совѣта Пензенскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Въ виду неоднократныхъ просьбъ о замѣщеніи въ училище праздныхъ казенно—коштныхъ вокансій, при которыхъ не бываетъ приложено надлежащихъ документовъ,—объявляется духовенству Пензенской Епархіи, чтобы просители на замѣщеніе праздныхъ казенно—коштныхъ вокансій прилагали при своихъ прошеніяхъ—а., баллотировочный листъ отъ своего Благочинническаго Округа и б., метрическое свидѣтельство (или выписку изъ метрики) о времени рожденія того лица, которое желаетъ поступить въ училище? (Журн. № 16, ст. IV.)

2., ОТЪ КОНТОРЫ МОСК. СИНОД. ТИПОГРАФІИ (*).

Въ Московской Синодальной книжной лавкѣ (на Никольской улицѣ) поступили въ продажу вновь отпечатанныя книги и продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

Церковной печати:

Требникъ въ листъ, съ кин., цѣна въ листахъ 3 р. 30 к. за экз., въ перепл. кож. 4 р. 15 коп. за экз.

Требникъ въ 8 д., съ кин., въ 2-хъ частяхъ, цѣна 1-й части въ перепл. бум. 80 к. за экз., въ кореш. 90 к. за экз., въ кож. 1 р. за экз., цѣна 2-й ч. въ перепл. бум. 40 к. за экз., въ кореш. 50 к. за экз., въ кож. 60 к за экз. цѣна двумъ частямъ въ одной книгѣ, въ перепл. бум. 1 р 20 к. за экз., въ кореш. 1 р. 30 к. за экз., въ кож. 1 р. 40 к. за экз.

Сокращенный молитвословъ въ 24 д., цѣна въ перепл. въ печ. обол. 12 к. за экз., въ папкѣ 17 к. за экз. въ коленкорѣ 22 к. за экз.

Евангеліе въ листъ, съ кин., съ золот. по фону украш. на картинной бумагѣ, цѣна безъ перепл. 28 р. 85 к. за экз.,

Библія въ 4 д., на бѣл. бум. СПБ., цѣна въ перепл. бум. 1 р. 90 к. за экз.

Библія въ 8 д., на велен. бум. СПБ., цѣна въ перепл. бум. 2 р. 60 к. за экз.

(*) Препровождено при отношеніи отъ 27 Сент. 1873 г. за № 3700 для троекратнаго напечатанія въ Еп. Вѣдом.

Библія въ 8 д., на бѣл. бум., СПБ. цѣна въ перепл. кож 2 р. 45 к. за экз въ перепл. бум. 1 р. 90 к. за экз.

Евангеліе въ 16 д., безъ кин., СПБ., цѣна въ перепл. бум. 20 к. за экз.

О Клятвѣ Московскаго собора 1667 г., въ 8 д., Профессора Нильскаго, СПБ., цѣна въ перепл. бум. 15 к. за экз.

Молитвы чтомыя въ навечеріи пятьдесятницы въ 8 д., СПБ., цѣна въ перепл. бум. 7 к. за экз.

Служба св. Кириллу и Меѳодію въ 4 д. СПБ. въ перепл. бум. 4 к. за экз.

Гражданской печати:

Руководство къ Догматическому Богословію, Архіепископа Макарія, въ 8 д., СПБ., цѣна въ перепл. бум. 40 к. за экз.

Уставъ Духовныхъ Академій, въ 8 д., СПБ., цѣна въ перепл. бум. 15 коп. за экз

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ Контору Московской Синодальной Типографіи, съ приложеніемъ пересылочныхъ денегъ по вѣсу.

Редакторъ: Ректоръ Пенз. Семин., Архимандритъ **Сvмеонъ**.

Дозволено цензурою. Пенза 1873 г. Октября 6 дня.

Цензоръ: Учитель Семинаріи, Священникъ **М. Шестаковъ**.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 20. ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. 16 ОКТЯБРЯ, 1873 ГОДА.

ПОУЧЕНІЕ

къ простолюдину о предначинательномъ Священническомъ возгласѣ: „Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.“

Послѣ того, какъ Діаконъ возгласитъ: *„Благослови, Владыко“*—Священникъ благословляетъ начать службу Божію.

Но обрати вниманіе, христіанинъ, при этомъ на слѣдующее: Священникъ, хотя и настоятель въ свя-

томъ храмѣ, однако же не самъ собою благословляетъ, не своею властію повелѣваетъ начать священнослуженіе, а Именемъ Того, Который единый есть надъ всѣмъ и во всемъ начальствующій, Который единый можетъ благословлять на добро, и отъ Котораго единаго всякому и всегда должно ожидать дѣйствительнаго благословенія.

Кто же есть Тотъ, можетъ быть ты, христіанинъ, желаешъ знать, Который самовластно имѣетъ право благословлять и Котораго Именемъ все благословляется?

Истинный Богъ нашъ -Тотъ, Который прежде всего Самъ достоинъ быть отъ насъ благословляемъ; Тотъ, Котораго прежде всего мы должны хвалить и превозноситъ; Тотъ, Которому единому мы обязаны покланяться.

По сему—то, и Священникъ, благословляя Именемъ Господнимъ начать или вечернюю, или утреннюю службу, или молебное пѣніе, не иначе возглашаетъ, какъ сими словами: „*Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ*“; возглашаетъ, какъ бы такъ говоря: я Именемъ Господнимъ благословляю службу Божію, воспѣвать хвалебныя пѣсни; но не другаго кого превозносить благословляю, какъ Того же единаго Бога, Именемъ Коего благословляю.—Онъ единый достоинъ *пѣтъ быти гласы преподобными*, Его единаго благословлять мы обязаны! *единый Богъ нашъ благословенъ* есть, и есть благословенъ *всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ*.

Ты же, христіанинъ, услышавъ такое полагаемое Священникомъ начало службы Божіей, непремѣнно долженъ весь умъ свой обратить къ этимъ словамъ и помыслить о Богѣ; помысливъ, ясно познать и твердо увѣриться въ томъ, что Богъ нашъ, Богъ христіанскій, Которому мы молиться должны и Котораго мы чтить божественнымъ поклоненіемъ обязаны есть *Единый*. Божеское Существо есть безначально и безконечно, *не имѣетъ ни* отъ кого *начала*, и *никогда не будетъ имѣть конца*. Божеское Существо есть разумно и свободно,—*Премудростію* своею *все видитъ* и *все знаетъ* и *волею* Своею такъ всѣмъ *располагаетъ, какъ хощетъ*. Божеское Существо, какъ Духъ чистѣйшій, есть *невидимо* и *неосязаемо*, ни тѣлесными глазами Его нельзя созерцать, ни руками прикасаться къ Нему нельзя.—*Божеское Существо*— безначальное и безконечное, разумное и свободное, духовное и невидимое, *есть Единое*: многихъ боговъ нѣтъ и быть не можетъ.—Есть единое *вездѣ*—и на небеси, и на землѣ; есть Единое по всѣмъ церквамъ, по всѣмъ домамъ и по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ бы какія разныя изображенія дѣйствій Божіихъ ни были; есть Единое во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ вѣры—и въ Греческомъ и въ Римскомъ и въ другихъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одни имѣютъ яснѣйшія, истинныя, съ священнымъ писаніемъ и съ ученіемъ Вселенской Церкви согласныя о Немъ и о дѣлахъ Его понятія, нежели другіе, далеко отступившіе и отъ ученія Слова Божія и отъ голоса единой, святой Вселенской и Апостольской Церкви.

Едино есть такое Высочайшее, Святѣйшее, Существо, Которое было благословенно *всегда*, т. е. и тогда, когда не было еще ничего сотвореннаго—ни Ангеловъ, ни человѣковъ,—и тогда Оно, какъ безначальное, ни отъ кого не происшедшее, Само по Себѣ Существующее, было благословенно Само отъ Себя, по Высочайшимъ совершенствамъ,—по Премудрости, по Вездѣсущію, по Всемогуществу, по Блаженству, въ мирѣ радости и любви Его состоящему, *всегда* такъ было благословенно; Оно есть благословенно и *нынѣ*—съ того времени, какъ стали быть небеса и земля, Ангелы и человѣки и до сихъ поръ; Оно будетъ благословенно и *присно,* т. е. и впредь всегда, до самаго скончанія міра, доколѣ будетъ Церковь и сыны Церкви, истинно вѣрующіе въ Него; Оно будетъ благословенно *и во вѣки вѣковъ,* т. е. чрезъ всѣ тѣ вѣки, кои послѣдуютъ за разрушеніемъ міра и кои будутъ составлять блаженную, безконечную вѣчность, будетъ благословенно во вѣки вѣковъ отъ благихъ Ангеловъ и Святыхъ человѣковъ, кои съ радостію будутъ взывать: *достоинъ еси, Господи, пріяти славу, и честь, и силу, и крѣпость, и благословеніе* (Апокал. IV. 11. V. 12)!

Уразумѣй же, христіанинъ, вѣруй и помни, что Богъ, Котораго ты долженъ благословлять, Которому ты обязанъ молиться, къ Которому прибѣгать ты имѣешь великую нужду,—что сей Богъ есть *Единый.* Кромѣ Его Единаго нѣтъ другаго.

Хотя Церковь наша, славя Единаго Бога, славитъ и другія лица, какъ—то Пресвятую Богоматерь, Хе-

рувимовъ, Архангеловъ, Ангеловъ и Святыхъ человѣковъ; однако сіи прославляемыя лица, по ученію св. писанія и святой Церкви, не суть Боги.

Богъ есть Безначальный; а они всѣ получили начало свое отъ Него.—Богъ есть Несозданный; а они всѣ сотворены отъ Него.—Богъ есть Блаженъ и Славенъ Самъ по Себѣ—по Высочайшему Существу Своему; а они Блаженны и славны только по Воли Его и по благодати Его.—Богъ есть Господь и Владыка; а они слуги Его, слуги угодные Ему.—Богъ есть Царь; а они сыны Царствія Его, рабы, сотворившіе святую волю Его.—Посему-то, Православная Церковь, славя Святыхъ, не обоготворяетъ ихъ, не поставляетъ ихъ съ Богомъ на единой степени и не отдаетъ имъ чести принадлежащей Единому Богу; и не только не обоготворяетъ; но съ тѣмъ намѣреніемъ и славитъ ихъ, чтобы чрезъ нихъ и въ лицѣ ихъ, какъ въ прекрасныхъ твореніяхъ Божіихъ, болѣе и болѣе прославить и превознести Создавшаго и Прославившаго ихъ Единаго Истиннаго Бога, *дивнаго во Святыхъ Своихъ.—Благословенъ* Единый *Богъ нашъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!*—Аминь.

Архимандритъ Сумеонъ.

ИСТОРІЯ РАСКОЛА ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХІИ. (*)

Бракъ.

Въ прежнее время нѣкоторые раскольники принимали таинство брака отъ православныхъ священниковъ; но съ 1831 года, а особенно со времени прекращенія крѣпостнаго права они ни какихъ таинствъ отъ православной церкви не принимаютъ, и *браки* ихъ не только у безпоповцевъ, но и у поповцевъ сдѣлались *сводными*. Вотъ обрядъ такаго брака. „Родители жениха благословятъ: буди чада наша благословенна. За тѣмъ поютъ псалмы 16, 127 и 112. Послѣ сего отецъ беретъ за руку невѣсту и, вдавая оную жениху при свидѣтеляхъ (5 или 7), говоритъ: се вдаю дщерь мою тебѣ въ жену по повелѣнію Божію, пріими ю и отведи къ отцу твоему; предъ соборомъ церкви дай обѣщаніе таковое во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. За симъ женихъ и невѣста произносятъ клятву: мы нижсименованные рабы Бога живаго обѣщаемся предъ всемогущимъ Богомъ и Святымъ Его Евангеліемъ и предъ всею церковію, что по повелѣнію Божію желаемъ совокупитися законнымъ бракомъ... и проч. *И паки женихъ речетъ*: не поиму жены иныя, кромѣ сея, юже поемлю. Тоже говоритъ и невѣста. Обрядъ заканчивается словами: Въ заключеніе нашего обѣщанія полагаемъ вѣрность истину вовѣки аминь.“ (**)

(*) Продолженіе см. № 19.

(**) Изъ рукоп. раск. книжки.

Съ 1849 года, Поимскіе поморцы имѣютъ особый чинъ брака, составленный Московской монинской моленьи настоятелемъ Гавриломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. Изложимъ этотъ чинъ съ нѣкоторою подробностію. Онъ оглавляется: Чинъ совершенія *тайны* законнаго брака. Женихъ и невѣста, вошедши въ молитвенный храмъ, (избу) полагаютъ три поклона и становятся рядомъ, какъ въ правосл. церкви. Подлѣ жениха дружка, а подлѣ невѣсты—сваха, впереди же аналой съ лежащимъ на немъ крестомъ и предъ нимъ свѣтильникъ. Послѣ сего полагается всѣми поясное (т. е. малое) начало и *настоятель* спрашиваетъ жениха: „произвольно ли ты берешь сію... въ законную себѣ жену?" женихъ отвѣчаетъ: произвольно. „Въ вѣчное ли и нераздѣльное житіе ты вступаешь." Отвѣчаетъ: „въ вѣчное и нераздѣльное." „Взаимное сіе согласіе почитаешь ли ты за истинную форму совершенія *тайны* законнаго брака"? отв. „почитаю" Тѣ же вопросы предлаются и невѣстѣ. Послѣ сего настоятель предлагаетъ брачущимся нѣчто въ родѣ рѣчи, приглашаетъ ихъ приложиться ко кресту; по исполненіи чего поется 127 псаломъ: Блажени вси боящіися господа... За симъ настоятель говоритъ: „За молитвъ Отецъ нашихъ... аминь. Царю Небесный, Отче нашъ, Пріидите поклонимся, Псаломъ 142: Господи услыши молитву мою. За симъ по пропѣтіи особаго тропаря и Богородична, читается Псаломъ 50 и поется канонъ, сочиненный самимъ Скачковымъ· Канонъ этотъ составленъ очень прилично и стройно и обличаетъ въ Скачковомъ хорошій писательскій даръ. Вотъ напр. для образца 1 тропарь 6 пѣсни:

„Любяй человѣческій родъ, Всемогущій Спасе, „егда восхотѣлъ еси воплотитися, тогда предуготовалъ еси Пречистую Себѣ Матерь, отъ праведныхъ „родителей Іоакима и Анны прозябшую, и Самъ показалъ еси, яко честно есть супружество, да усердно Тебѣ вси взываемъ: Спасе міра, зовущи слава „Тебѣ“.

4 тропарь той же пѣсни: „Освятивый селеніе Твое „Вышній и плоть нашу воспріятъ безгрѣшный Владыко Христе, на бракъ съ непорочною Матерію и „со Святыми Твоими учениками въ Кану Галилейскую пришелъ еси, и тамо первое чудо сотворилъ „еси; мы же вопіемъ Ти: Спасе міра слава Тебѣ.“

По пропѣтіи 6-й пѣсни канона поется: „Елицы во Христа“. Прокименъ: „Буди Господи милостъ“. и читается Апостолъ: къ Ефесеямъ зач. 230-е и Евангеліе отъ Іоан. зач. 6-е: второбрачнымъ: отъ Матѳ. зач. 78-е. За тѣмъ оканчивается канонъ и новобрачные прикладываются къ кресту и мѣстнымъ образамъ. Послѣ сего настоятель поздравляетъ ихъ рѣчью, наименовавъ по имени и отечеству. Въ этой рѣчи, пожелавъ новобрачнымъ наслажденія всѣми благами жизни, онъ даетъ имъ наставленіе пребывать въ благочестіи, любить мудрость, удаляться пороковъ, любить другъ друга, хранить вѣрность и цѣломудріе. Рѣчь оканчивается молитвою къ Богу, чтобы Онъ поселилъ въ сердцахъ новобрачныхъ— вѣру, надежду, любовь, миръ, согласіе и цѣломудріе „да непрельщени будутъ ненавистникомъ рода

„человѣческаго, но да поправше, онаго принесутъ „ему достойную жертву самихъ себя, Аминь.“ На эту поздравительную рѣчь новобрачная чета отвѣчаетъ настоятелю земнымъ поклономъ; потомъ цѣлуются трижды между собою, принимаютъ поздравленіе отъ всѣхъ присутствующихъ. За симъ у молодой, въ особой комнатѣ, заплетаютъ двѣ косы и покрываютъ голову женскимъ уборомъ, наконецъ положивъ три поклона предъ иконами, „за предъидущемъ образомъ“ новобрачные возвращаются въ свой домъ (*).

Погребеніе умершихъ.

Въ Поимѣ погребеніе умершихъ совершается *у поповцевъ* ихъ попами; а у безпоповцевъ ихъ наставниками. Въ другихъ же селахъ Чембарскаго уѣзда у поповцевъ и безпоповцевъ погребаютъ почти всегда наставники; лжепопы, Поимскій Горбуновъ и Паганскій Корчажниковъ, отстраняются отъ погребенія по деревнямъ, какъ требы болѣе публичной, могущей ихъ обнаружить, хотя конечно оное совершается и не безъ ихъ вѣдома и пожертвованія имъ. Вотъ какъ совершается это погребеніе въ приходѣ села Агапова.

Умершаго, одѣвши въ саванъ, обвязываютъ ниткою такъ, чтобы эта обвязка образовала на немъ три креста, по примѣру монаховъ, въ знакъ того, что они считаютъ себя удалившимся отъ міра, т. е. православной церкви, пустынниками. За тѣмъ пола-

(*) Пенз. Еп. В. № 10 1868 г.

гаютъ его въ гробъ, или даже въ рогожу, обыкновенно новую (въ Аргамаковѣ), ногами къ божницѣ; кладутъ началъ, кадятъ ладаномъ и начинаютъ отпѣваніе по Іосифскому требнику. Отпѣваніе это состоитъ изъ литіи, чтенія *непорочныхъ* и заупокойнаго канона. На голову умершаго кладутъ вѣнчикъ, а въ руки разрѣшительную молитву—у поповцевъ печатныя, которые обыкновенно привозятъ и продаютъ имъ ихъ лжепопы, а у безпоповцевъ рукописные. Послѣ отпѣванія наставникъ, совершающій оное, посыпаетъ тѣло умершаго землею, и за тѣмъ оное отправляется на кладбище, большею частію окольными путями въ сопровожденіи толпы родныхъ и знакомыхъ. Кладбища раскольники имѣютъ большею частію свои особенныя въ каждой раскольнической деревнѣ; но изъ прихода села Агапова поповцы отвозятъ своихъ покойниковъ въ село Поимъ. Плакать и вопить по покойникахъ наставники раскольническія запрещаютъ.

Поминовеніе.

Поминовеніе умершихъ у раскольниковъ совершается въ тѣ же дни, какъ и у православныхъ, въ 3, 9, 20 и 40-й дни, и послѣ каждогодно въ день смерти, или имянинъ покойнаго. Отправлять поминки они считаютъ необходимымъ дѣломъ. Самъ не ѣшь, а поминки дѣлай; не исполняющихъ поминокъ призираютъ. Отправляются поминки такъ: обыкновенно наставникъ, а за отсутствіемъ его, всякій грамотный мужчина или женщина читаетъ канонъ;

предстоящіе молятся. Потомъ всѣ садятся за трапезу, послѣ которой раздаются присутствующимъ деньги, а иногда и вещи покойнаго. Только въ Нѣтовщинской сектѣ денегъ не раздаютъ.

Обрядъ присоединенія къ расколу.

Присоединеніе къ расколу изъ православія въ *поповщинской* сектѣ совершается вторымъ чиномъ, т. е. чрезъ отрицаніе мнимыхъ ересей православія и мvропомазаніе, если есть попъ; если же нѣтъ попа — чрезъ одно отрицаніе (третьимъ чиномъ); у *поморцевъ* чрезъ крещеніе, т. е. первымъ чиномъ, почему они и носятъ названіе покрещенцевъ; у *нѣтовцевъ* же чрезъ одно отреченіе отъ православія и обѣщаніе быть вѣрнымъ ихъ сектѣ. Это дѣлается такъ: присоединяющійся, вымывшись, надѣваетъ чистое бѣлье и одежду; потомъ въ присутствіи наставниковъ и другихъ членовъ раскола отрекается отъ церкви, даетъ обѣщаніе быть твердымъ въ ихъ вѣрѣ выслушиваетъ наставленіе отъ наставника и кладетъ извѣстный большой *началъ*. Послѣ сего нѣтовцы даютъ чего либо пить изъ своей посуды, записываютъ въ свои списки и налагаютъ двухнедѣльный или трехдневный постъ съ ежедневными поклонами. Это эпитимія. Обрядъ оканчивается взаимными поклонами и поздравленіями присоединившагося.

Нравственность Чембарскихъ раскольниковъ.

По своей внѣшности раскольники представляются людьми безъукоризненной нравственности,—это

люди чуть не святые. Раскольникъ молится усердно, крестится *истово*, кланяется низко, читаетъ по книгѣ молитвы, каноны, не пропуститъ ни утренней ни вечерней молитвы; за столомъ сидитъ чинно, не положитъ ноги на ногу; строго соблюдаетъ праздники, посты; при разговорѣ съ другими часто крестится, творитъ молитву. Но все это есть не болѣе, какъ фарисейство. Если присмотрѣться ближе къ раскольнику; то увидишъ, что *оцѣждая комара*, онъ ни за что считаетъ *пожирать вельблудовъ*: нечаянно лизнуть скоромную ложку въ постный день грѣхъ, обмакнуть хлѣбъ въ солонку грѣхъ; но обмануть, надуть, обобрать кого - считается ни за что; пьянство и крайнее распутство дѣла обыкновенныя. Много въ народѣ ходило и еще ходитъ страшныхъ исторій о Поимѣ; и эти исторіи, конечно не безъ основанія; разврату, разбоямъ и грабительству въ этой мѣстности положилъ начало еще первоучитель поимскихъ раскольниковъ *Гаврило*.

Особенные обычаи въ жизни раскольниковъ.

Въ обычаяхъ Поимскихъ и вообще Чембарскихъ раскольниковъ можно замѣтить слѣдующія особенности. Раскольники безпоповцы съ православными не ѣдятъ и не пьютъ изъ одной посуды; за трапезою вилкою не ѣдятъ,—ѣсть вилкою - по ихъ мнѣнію значитъ безстрашно колоть тѣло Христово; не обмакаютъ куска въ солило, чтобы не уподобиться Іудѣ предателю. У всѣхъ раскольниковъ не дозволяется мужчинѣ молиться опоясавшись, а женщинѣ въ фартукѣ, или являться въ молельну въ ситцовомъ платьѣ.

Если православный священникъ прикоснется къ ихъ иконѣ, ила книгѣ, онѣ уже осквернены, отъ нихъ отступила благодать Божія, которую возвратить можно только чрезъ окажденіе ладономъ. Всѣ они выстрыгаютъ себѣ маковку, гуменце, въ подраженіе терновому вѣнку Спасителя. Безпоповцы не освящаютъ воду; но въ день Богоявленія черпаютъ оную въ рѣкѣ въ глухую полночь и ставятъ во время своего молитвословія въ молельнѣ предъ иконами, послѣ чего она уже считается освященною. Послѣ православнаго освященія воды на іорданѣ, не черпаютъ изъ рѣки воду до трехъ дней. Такъ у нихъ вездѣ и во всемъ виденъ духъ самаго крайняго фарисейства.

Отношеніе сектантовъ Чембарскихъ между собою и къ православнымъ.

Отдѣлившись отъ единства вѣры и церкви православной, раскольники Чембарскаго уѣзда, особенно въ Поимѣ, раздѣлились, какъ уже отчасти видѣли мы, и между собою. Въ Поимѣ, говорятъ, что ни дворъ то вѣра, даже въ одномъ домѣ, въ одномъ семействѣ можно встрѣтить, что мужъ держится одного толку, жена другаго, а дѣти третьяго. Раздѣляясь въ убѣжденіяхъ, они враждуютъ другъ противъ друга, не ѣдятъ, не пьютъ и не молятся вмѣстѣ, и только въ одномъ сходятся и соединяются, во враждѣ противъ православной церкви. Еще поповцы снисходительнѣе смотрятъ на православныхъ, особенно въ Поимѣ, гдѣ и самые православные во многихъ отношеніяхъ ус-

воили себѣ обычаи раскольниковъ (*); но поморцы и нѣтовцы презираютъ православныхъ, какъ нечистыхъ. Вообще главный предметъ не нависти въ раскольникахъ къ православнымъ составляетъ троеперстіе, или по ихъ выраженію „щепотъ". Одна эта щепоть возбуждаетъ въ нихъ какое-то чувство отвращенія и омерзенія, не говоря уже о подстриженіи усовъ, куреніи табаку и богослужебныхъ разностяхъ—хожденіи противъ солнца, троеніи аллилуія, служеніи литургіи на пяти просфорахъ, и т. под. Выставляя эти разности, они поносятъ православную церковь, какъ Никоніанскую, что въ ней господсвуетъ прелесть антихристова. Если въ комъ изъ православныхъ встрѣтятъ сильную защиту православной вѣры, отъ того затыкаютъ уши и бѣгутъ прочь, какъ отъ душепагубника и волка; только съ людьми, слабыми въ познаніи православной вѣры они любятъ бесѣдовать, стараясь склонить каждаго къ ихъ вѣрѣ, какъ единственно спасительной.

Пр. І. Бурлуцкій.

(Продолженіе будетъ).

(*) Здѣсь и православные молятся двумя перстами, не брѣютъ и нестригутъ усовъ и бороды, читаютъ по старымъ книгамъ, не курятъ табаку и даже выстрыгаютъ маковку.

О преподаваніи закона Божія въ начальныхъ народныхъ школахъ (*).

Кому же быть преподавателями закона Божія, кому быть законоучителями народными? Мнѣнія педагоговъ объ этомъ предметѣ весьма неодинаковы. Основное правило новѣйшей педагогіи то, что школьное обученіе должно быть не обученіемъ только, но и воспитаніемъ; т. е. обученіе въ школѣ не должно ограничиваться однимъ сообщеніемъ ученикамъ свѣдѣній, но должно быть направлено къ такому развитію дѣтей, которое обнимало бы всѣ силы ихъ, по возможности, въ равной степени, столько же сердце и волю, сколько и умъ. Такъ понимаемое обученіе охватываетъ, такимъ образомъ, и умственную и религіозно нравственную сторону; учитель долженъ быть въ тоже время и воспитателемъ. Въ такомъ случаѣ полагаютъ законоучительство соединить въ одномъ лицѣ—въ учителѣ, чтобы изученіе закона Божія неказалось дѣтямъ чѣмъ то отдѣльнымъ отъ ученія вообще. Но съ другой стороны, такъ какъ дѣло обученія закону Божію—дѣло весьма важное, требующее спеціальныхъ знаній по этому предмету, то полагаютъ лучше всего предоставить законоучительство лицамъ духовнымъ—Священникамъ, кончившимъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ они спеціально слушали курсъ богословскихъ наукъ. При такой постановкѣ дѣла, вопросъ предложенный

(*) Продолженіе см. № 19.

рѣшить не трудно. Воспретить классному учителю бѣсѣды съ учениками о предметахъ религіозныхъ не педагогично; это значитъ отнимать у него часть (и самую главную) вліянія на учениковъ; это значило бы, безъ всякой надобности, съуживать кругъ дѣятельности учителя. Классному учителю иногда по необходимости (при чтеніи учениками книги, введенной въ школѣ для упражненія въ чтеніи или по другимъ поводамъ) приходится касаться предметовъ религіи, религіозныхъ обрядовъ, торжествъ, праздниковъ, правильнаго и благоговѣйнаго чтенія молитвы въ классѣ и т. п. Неужели же въ этихъ и подобныхъ случаяхъ учителю недать слова? Но съ другой стороны, если классному учителю предоставить и законоучительство, то едва ли можно ожидать желаемаго успѣха. Какъ каждое дѣло требуетъ спеціалиста и спеціальныхъ по нему знаній, такъ и обученіе закону Божію въ частности. Учитель не всегда можетъ владѣть достаточными знаніями по закону Божію. А дѣтскій умъ пытливъ. Отъ дѣтей всегда можно ожидать такихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ можетъ призадумываться и прослушавшій курсъ спеціальныхъ Богословскихъ наукъ. Какое же вліяніе можетъ имѣть учитель, когда онъ откажется рѣшить то одинъ, то другой вопросъ по закону Божію, который послѣдуетъ ему со стороны учениковъ? Не возбудитъ ли это въ дѣтяхъ охлажденіе къ самымъ религіознымъ предметамъ и религіи? А въ такомъ случаѣ можно ли такое обученіе акону Божію считать достаточнымъ и соотвѣтствующимъ своей цѣли? Такимъ образомъ существо дѣла

требуетъ для народныхъ школъ особаго законоучителя—спеціалиста - священника, въ пользу последняго говоритъ и то обстоятельство, что священникъ въ своемъ приходѣ пользуется обыкновенно особеннымъ авторитетомъ по отношеніи къ дѣлу религіи. Намъ лично приходилось говорить съ простолюдинами о томъ или другомъ предметѣ религіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что—либо изъ предложеннаго объясненія казалось имъ совсѣмъ непонятнымъ, или, собственно говоря, не соотвѣтствовало ихъ религіознымъ представленіямъ и понятіямъ, они обыкновенно говорили: „мы этого, сударь, не знаемъ, вотъ мы спросимъ у батюшки; онъ, кажись, не такъ говорилъ въ церкви; мы ему больше вѣримъ; ты все по ученому, а онъ по божескому." При такомъ уваженіи и довѣріи нашего простаго народа къ своему приходскому священнику, можно ли сомнѣваться въ томъ, что изученіе закона Божія пойдетъ гораздо успѣшнѣе въ рукахъ его, чѣмъ классснаго учителя? Вотъ разсужденіе объ этомъ предметѣ одного изъ нѣмецкихъ педагоговъ. „Задача школы состоитъ въ гармоническомъ развитіи всѣхъ способностей и силъ человѣка, слѣдовательно, и способности къ религіи. Если же классный учитель народной школы не обучаетъ закону Божію и лишенъ права касаться этаго предмета, то онъ не только теряетъ существенную часть своего вліянія на учениковъ и значенія, но и кругъ дѣятельности его лишается цѣлости. Отъ этаго, конечно, должны страдать и дѣти; въ образованіи ихъ оказывается значительный пробѣлъ, который едва ли можетъ быть восполненъ уроками за-

коноучителя. Не говоря уже о томъ, что законоучитель можетъ имѣть одинъ, много два урока въ недѣлю; отношеніе его къ дѣтямъ далеко не такъ близко, какъ класснаго учителя; онъ не можетъ по этому знать надлежащимъ образомъ степень развитія всѣхъ и каждаго изъ учениковъ, и слѣдовательно не имѣетъ необходимыхъ ему точекъ опоры, чтобы надлежащимъ успѣхомъ повліять на учениковъ. Кромѣ того, классный учитель народной школы и особенно—сельской, желаетъ ли, или не желаетъ, имѣетъ ли право, или не имѣетъ, необходимо долженъ вводить въ свои уроки сообщеніе свѣдѣній, касающихся религіи, потому что родители обучаемыхъ имъ дѣтей требуютъ ежедневнаго религіозно-нравственнаго наставленія, и подозрительно смотрятъ на учителя, ограничивающагося сообщеніемъ научныхъ свѣдѣній. Все это невольно вызываетъ желаніе, чтобы въ народной школѣ бесѣды о религіи не только были дозволены классному учителю, но и вмѣнены ему въ непремѣнную обязанность. Этимъ мы однако отнюдь не желаемъ удалить изъ школы законоучителя—священника; на немъ лежитъ обязанность преподавать догматическое ученіе. Когда классный учитель ознакомитъ учениковъ съ необходимыми молитвами и важнѣйшими обстоятельствами священной исторіи, съ жизнію знаменитѣйшихъ святыхъ церкви, особенно отечественной, съ главнѣйшими частями богослуженія, тогда законоучитель пройдетъ съ ними катихизисъ церкви. При такомъ раздѣленіи труда, не только пойдетъ вообще успѣшнѣе обученіе по закону Божію, но и часто встрѣ-

чающіяся нынѣ манкировки законоучителей, по причинѣ множества ихъ занятій по приходу, не будутъ имѣть того вреднаго вліянія на религіозное развитіе дѣтей, какое имѣютъ теперь, когда дѣти не рѣдко по цѣлымъ недѣлямъ остаются безъ назиданія въ словѣ Божіемъ". (*) Мы привели этотъ отрывокъ изъ сочиненія уважаемаго въ Германіи педагого не съ тѣмъ, чтобы ему слѣдовать буквально, но потому, что здѣсь много правды. Нельзя согласиться съ авторомъ только въ томъ, будто отношенія къ дѣтямъ законоучителя не могутъ быть такъ близки, какъ классснаго учителя. По чему же не могутъ быть такъ близки? У насъ по крайней мѣрѣ этого нельзя сказать про законоучителя—священника, который вообще близокъ къ своимъ прихожанамъ и пользуется ихъ довѣріемъ; къ ученикамъ же школы онъ можетъ быть вдвойнѣ близокъ и какъ священникъ и учитель. Церковь и школа вступаютъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ тѣсный союзъ. Что касается того, будто законоучитель не можетъ надлежащимъ образомъ знать степени развитія учениковъ, то это свидѣтельствовало бы только о томъ, что законоучитель не знаетъ основныхъ правилъ Педагогики и Дидактики. Законоучитель какъ и всякій классный учитель, не только можетъ, но и обязанъ необходимо знать степень развитія каждаго изъ учениковъ, равно какъ семейную обстановку и среду своихъ воспитанниковъ и всѣ, по возможности, отличительныя свойства ихъ темперамента, привычки и т. п. Для этого Дидакти-

---

(*) Очеркъ Практич. Педагогого Диттеса стр. 319—20,

ка предписываетъ учителю, по какому-бы-ни-было предмету, вести съ учениками, прежде начатія обученія собственно, предварительныя бесѣды, чрезъ которыя бы онъ могъ надлежащимъ образомъ познакомиться съ своими учениками. Это знакомство обезпечиваетъ успѣхъ въ дальнѣйшемъ, указывая учителю, съ чего онъ долженъ начать съ своими учениками, что имъ нужно знать, отъ чего отклонить и т. п.

Вопросъ о томъ, кому быть законоучителями народными въ недавнее время поставленъ на новую почву. Въ 1 № „Народной школы“ за настоящій годъ помѣщена статья—„къ вопросу о религіозномъ образованіи народа“, въ которой авторъ усиливается доказать, что должность законоучителей въ народныхъ школахъ гораздо лучше, чѣмъ священники и окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, могутъ отправлять воспитанники учительскихъ семинарій. Авторъ означенной статьи мотивируетъ свою мысль тѣмъ, что наше духовенство за весьма рѣдкими, хотя и отродными исключеніями, вообще апатично относится къ дѣлу народнаго образованія, что оно не имѣетъ практической педагогической подготовки, что воспитанники духовныхъ семинарій, хотя и слушаютъ курсъ педагогики, но слушаютъ его болѣе теоритически, чѣмъ практически, при томъ курсъ педагогики введенъ въ духовныя Семинаріи не какъ спеціальность, а какъ дополненіе къ богословскому курсу,—что въ учительскихъ Семинаріяхъ также преподается законъ Божій и въ такомъ объемѣ, что учительскіе семинаристы выйдутъ не съ меньшимъ

запасомъ свѣдѣній по закону Божію, чѣмъ воспитанники гимназіи, или даже окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, что, наконецъ, учительскіе семинаристы даже благонадежнѣе въ религіозно-нравственномъ отношеніи, чѣмъ воспитанники, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, такъ какъ духовныя семинаріи въ деревняхъ (!).

Что духовенство наше вообще апатично относится къ дѣлу народнаго образованія, это слишкомъ много сказано, чтобы сколько нибугь говорило въ пользу безпристрастнаго отношенія автора къ русскому духовенству. Самъ же онъ находитъ весьма отрадныя, хотя и рѣдкія, исключенія; самъ указываетъ на законоучителя народной школы о. Соловьева, къ которому попечитель Кавказкаго учебнаго округа писалъ самое радушное, благодарственное письмо за его усердіе въ преподаваніи закона Божія. Самъ же онъ указываетъ на тотъ фактъ, какъ бывшій начальникъ Кубанской области, графъ Сумароковъ-Эльстонъ испросилъ высочайшія нагрды для тѣхъ изъ священниковъ, которые добросовѣстно трудились въ станичныхъ школахъ. Да и на чемъ авторъ основываетъ свое общее сужденіе объ отношеніи духовенства къ дѣлу народнаго образованія? На *одномъ* ревизорскомъ отчетѣ. Здѣсь чувствуется недостатокъ знанія здравой логики. Не менѣе ощутителенъ здѣсь недостатокъ знанія исторіи. Русское духовенство съ давнихъ поръ заявило о ревности своей къ народному образованію. Особенно это ярко замѣтно въ то время, которое непосредственно слѣдовало за великой

реформой освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда духовенство, въ качествѣ гласныхъ первое возвысило свой голосъ въ пользу народнаго образованія. Многіе изъ духовныхъ открывали школы у себя въ домахъ на собственныя средства, не пользуясь отъ своихъ учениковъ или никакими, или почти никакими вознагражденіями. Это ли апатія? Какое же сословіе больше заботилось о народномъ образованіи—дворянство, или купечество, или мѣщанство? Не нужно ли было пробуждать эти сословія? Если духовенство не заботится о благѣ народномъ, если оно не старается удовлетворить его нуждамъ, то чѣмъ объяснить расположенность простаго народа къ духовенству, довѣріе къ нему? Чѣмъ объяснить то, что изъ устъ народа часто можно услышать: „пойду къ батюшкѣ, что онъ скажетъ." Автору кажется, что духовенство наше—это единственное сословіе, которое держится рутины, отвращается отъ всего новаго, вызваннаго потребностями современной жизни, что оно, живя въ глуши, само глохнетъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи,—и въ этомъ предположеніи онъ задаетъ редактору „народной школы" вопросъ: многіе ли изъ духовенства выписываютъ вашъ журналъ? Если авторъ имѣлъ основаніе думать такъ о духовенствѣ старомъ, то какія основанія онъ имѣлъ такъ думать о духовенствѣ молодомъ? Или онъ не полагаетъ между тѣмъ и другимъ никакого различія? (*)

(*) Авторъ разбираемой статьи—Священникъ. Интересно знать, какъ онъ думаетъ о себѣ—рутинеръ ли онъ, или про-

Дѣйствительно, духовенство не слишкомъ падко до поваго; но въ этой чертѣ есть свѣтлая сторона. Здѣсь видна осторожность и осмотрительность въ слѣдованіи новымъ идеямъ; не всѣ же между этими новыми идеями хороши. Относительно образованія духовенство не отстаетъ отъ другихъ сословій. Программы преподаванія и самые предметы обученія въ духовныхъ семинаріяхъ почти одни и тѣже, какія и въ гимназіяхъ съ присоединеніемъ къ нимъ спеціально Богословскихъ предметовъ. Можетъ быть нашему автору неправится самая эта спеціальность? Но послѣ *общаго* образованія, всякая спеціальность почтенна. Если жъ онъ думаетъ, что духовенство, живя въ глуши, само глохнетъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то почему онъ думаетъ, что его учительскіе семинаристы, забравшись въ глушь, въ учителя народныхъ школъ въ деревняхъ не заглохнутъ? Развѣ для нихъ будетъ другая атмосфера?

Что духовенство не имѣетъ практической педагогической подготовки, это отъ части вѣрно, т. е. если авторъ разумѣетъ такихъ священниковъ, которые уже отжили свой вѣкъ и дѣйствительно мало занимались педагогическими вопросами. Но такіе священники и не берутъ на себя законоучительства, предоставляя это дѣло болѣе молодымъ, знакомымъ

грессистъ? Если все духовенство—рутинеры, то слѣдов. и о немъ нужно сказать тоже. Но онъ выписываетъ „Народную школу", слѣдов. онъ прогрессистъ. И такъ онъ въ одно и тоже время рутинеръ и прогрессистъ.

хотя бы теоретически съ основными требованіями дидактики. Но припомнимъ, что для того, чтобы быть хорошимъ преподавателемъ, недостаточно одного знанія дидактическихъ пріемовъ; методъ въ дѣлѣ обученія, конечно, важное дѣло; но имъ еще не обусловливается успѣхъ. Излишнее пристрастіе къ методу, преувеличенное понятіе о его значеніи въ настоящее время переходитъ въ нѣкотораго рода болѣзнь, которую одинъ изъ русскихъ педагоговъ весьма характеристичиски назвалъ „методоманіей" (*) Кромѣ знанія метода преподаванія и обученія, учителю нужно владѣть свѣдѣніями по преподаваемому имъ предмету; нужно знать прежде всего то, *что* преподаватель, а потомъ уже и то, *какъ* преподавать. Одинъ знатокъ (**) всѣхъ правилъ методики недавно долженъ былъ показать свое искуство въ преподаваніи отечественной исторіи. Ему нужно было говорить объ основаніи русскаго государства. Заявившись къ ученикамъ, онъ повелъ къ нимъ такую рѣчь. „Много есть племенъ на бѣломъ свѣтѣ, между прочимъ славянское; объ немъ то и учитъ насъ исторія. А знаете ли когда основано русское государство? Оно основано въ 862 году *до* Рождества Христова. Запомните въ 862 г. *до* Рождества Христова. Въ какомъ году основано русское государство? Ученикъ отвѣчаетъ: въ 862 г. *до* Рождества Христова.

(*) Журн. М. Нар. Пр. 1871 г. Январь.

(**) Это воспитанникъ Гимназіи, хотя не слушавшій курса педагогики, но читавшій педагогическія руководства и наблюдавшій, какъ ведутъ дѣло опытные учителя.

Повторите такой то, повторитъ такой-то и т. д. словомъ употребилъ всѣ пріемы дидактики, чтобы ученики запомнили, что Русь основана въ 862 г. *до* Рожд. Христова. Вотъ вамъ и знаніе методики, и педагогическихъ пріемовъ. Что же, если съ такимъ знаніемъ методики и съ такимъ же знаніемъ сущности дѣла учитель поведетъ свои уроки по закону Божію? Нельзя думать, чтобы такое веденіе дѣла одобрилъ и о. Стась, авторъ разбираемаго мнѣнія.

А. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

Римскій католицизмъ и, какъ продуктъ его, іезуитскій пробабилизмъ (*).

Прежде всего, характеромъ обезличенія вѣрующихъ Римско-Католической церкви отличается все общественное Католическое Богослуженіе, которое совершается на латинскомъ языкѣ, въ большинствѣ совершенно не понятномъ для мірянъ, по чему предстоящимъ въ храмѣ католикамъ приходится только слышать одни непонятные возгласы священника, видѣть его поклоны и повороты и т. под., и машинально подражать ему безъ всякаго внутренняго участія и сознанія, такъ что и вѣрующій, и самъ священникъ для него становится чрезъ это какъ бы совершенно машиною.... Точно такъ же и въ таинствахъ личное, духовное участіе католика отнюдь не допускается. Не только совершеніе, но и самое воздѣйствіе таинствъ на вѣрующаго, по католической теоріи, безусловно зависитъ отъ воли и дѣятельности іерархіи. „Таинство, по этой теоріи, есть проводникъ, или, вѣрнѣе каналъ, изъ котораго христіанинъ почерпаетъ благодать помимо всякаго съ своей стороны содѣйствія, или сочувствія. Это - дѣло, совершаемое пассивно (ppassivum operatum); Благодать volens nolens воздѣйствуетъ, какъ только скоро приведены въ дѣйствіе извѣстныя внѣшнія средства т. е. materia et forma instituendi sacramenti,— какъ скоро, далѣе, есть лице, совершающее таинство

(*) Продолженіе см. № 18.

и какъ скоро этимъ лицемъ произнесены извѣстныя слова". Стало быть, дѣйствіе таинства, по этому взгляду, подобно дѣйствію машины, которую стоитъ только завесть, чтобы она играла, или стоитъ только двинуть чтобы, она выдѣлывала извѣстныя эволюціи. По этому, чисто—механическому воззрѣнію на дѣйствіе благодати божественная дѣятельность необходимо и безусловно привязана къ извѣстному процессу внѣшней человѣческой дѣятельности, т. е. къ извѣстному совершенію дѣйствія лицемъ для этаго нарочито поставленнымъ, что и выражается въ схоластическихъ терминахъ Католицизма словами: „opus operatum" и „character indelebilis". При этомъ исключается всякое живое отношеніе вѣрующаго къ воздѣйствіямъ благодати. Онъ можетъ и невѣровать въ это дѣйствіе и все-таки оно будетъ для него имѣть силу; онъ можетъ относиться къ нему совершенно равнодушно и-все-таки освятится. Sacramentum, говоритъ опредѣленіе Тридентинскаго собора, символизовавшаго католическую догматику и нраво-ученіе, dicitur opus operatum, id est, passio coperta ita ut gloria accipitur non ex fide aut meritis agentis vel suscipientis, sed ex ipso opere (Concil. Tridentin. въ главѣ о таинствахъ). Соборное опредѣленіе объясняетъ это даже примѣромъ. Для сожженія дровъ, говорится въ означенномъ опредѣленіи дальше, нужны прежде всего самыя дрова, за тѣмъ нужно высѣчь изъ кремня, самый огонь, наконецъ приблизить огонь къ дровамъ, и т. д.... Этотъ процессъ довольно сложный, но дѣйствующая причина одна, это—огонь. Такъ и въ таинствѣ: благодать сообщается при посредствѣ

дѣйствій, необходимыхъ для ея обнаруженія,— а какъ скоро эти дѣйствія совершены лицемъ церковнымъ, то благодать уже не можетъ не воздѣйствовать на вѣрующаго,—не можетъ не освятить его (*)...... Отсюда и въ частности, въ таинствѣ крещенія крещающійся Римскій Католикъ совершенно обезличивается,—благодать не сообщается ему внутреннимъ образомъ, при личномъ расположеніи вѣрующаго, а дается ему прямо отъ священника, или епископа. Въ церкви Православной эта форма неодностороння, въ ней не выдается ни личности крещаемаго, ни крещающаго, но въ католической епископъ, или пресвитеръ прямо говоритъ: *я крещаю, я сообщаю тебѣ даръ благодати*...... Что же касается до таинства причащенія, то у католиковъ не видно и мысли о соединеніи Христа съ вѣрующими. Подъ тѣмъ предлогомъ, (**) что многіе имѣютъ отвращеніе отъ ви-

---

(*) А въ спорахъ съ реформаторами Католическіе догматисты прямо говорили: что вѣра совсѣмъ не нужна для того, чтобы таинство имѣло силу: для того, кто приступаетъ къ евхаристіи, говоритъ: напримѣръ, Кайэтанъ, ни чего не нужно, кромѣ этаго самаго акта.....

(**) Не по одной *только указываемой авторомъ* причинѣ Рим. католики допустили означенную отмѣну.—Католики указываютъ и на *многія* другія причины, изъ коихъ главнѣйшія слѣдующія: 1., опасность пролитія крови; 2., трудность сохранять безъ поврежденія кровь Евхаристическую; 3., недостатокъ необходимаго для Евхаристіи вина во многихъ мѣстахъ отдаленныхъ... и друг. См. Perrone, Praelect Theolog. tract. de Evch. P. I. C. III prcp. V. п. 214. Догм. Бог. А. Макар. ч. 2. § 218. о Рим. церкви, Халколиванова, Самара, 1865 г. стр. 137 и 138.—*Редакторъ*.

на, Католицизмъ уничтожилъ причащеніе мірянъ подъ обоими видами хлѣба и вина. По видимому зачѣмъ бы столь маловажному случаю придавать столь большое значеніе, и изъ столь незначительнаго факта искажать смыслъ Богоустановленнаго таинства?—Но дѣло въ томъ, что идея католической централизаціи нашла и въ этой мысли случай къ внѣшнему соединенію вѣрующихъ (?) и воспользовалась фактомъ, какъ нельзя болѣе.

Далѣе, безусловное возвышеніе Католической іерархіи, или папы надъ вѣрующими не ограничивается только настоящею жизнію, но простирается и въ будущую. Для этаго папы изобрѣли догматъ объ очистилищѣ, въ которомъ подвергаются мученіямъ души умершихъ, не успѣвшія здѣсь очистить себя покаяніемъ и обогатить себя добрыми дѣлами, милостынею, вкладами въ монастыри или покупкою разрѣшительныхъ граматъ, которыя избавляютъ отъ очистилищнаго огня. Съ тою же цѣлію изобрѣтено папами такъ же ученіе объ индульгенціяхъ, по которому, вѣрующій усвояетъ себѣ заслуги Искупителя не вѣрою въ Него и любовію, соединенною съ благочестивою жизнію, словомъ—не внутреннимъ образомъ, а чисто—внѣшнимъ меркантильнымъ способомъ: за нѣсколько грошей, напримѣръ, можно купить у папы право на блаженство въ будущей жизни и уничтоженіе самыхъ тяжкихъ и безчисленныхъ грѣховъ въ настоящей.

Тотъ же принципъ безусловнаго возвышенія клира или іерархіи надъ вѣрующими, тоже безусловное

обезличенiе и уничиженiе послѣднихъ повторяется и въ самой Католической iерархiи. Такъ, чтобы болѣе возвысить достоинство священника и святость сана его, чтобы крѣпче привязать къ себѣ нисшихъ членовъ iерархiи, напримѣръ, священниковъ, и сдѣлать ихъ безусловными исполнителями своей воли и своекорыстныхъ цѣлей, папы изобрѣли правило о безженствѣ священниковъ, возведенное въ послѣдствiи въ догму Католичества. Потомъ: самые значительные лица и сановники въ Католической iерархiи—Кардиналы не имѣютъ степени священства. Они избираютъ и поставляютъ папъ на престолъ,—избираютъ изъ среды столь важное священное лице, а сами не имѣютъ священства. Въ мiрской одеждѣ они, однакожъ, занимаютъ самыя высокiя мѣста при Богослужебныхъ церемонiяхъ, окружаютъ папъ при религiозныхъ процессiяхъ и т. д. Самое посвященiе Кардиналовъ въ папы, самая перемѣна изъ свѣтскаго въ духовное и самое первое, самое высшее лице совершается въ нѣсколько минутъ, какъ бы Божiимъ произволенiемъ, и тотъ, кто за нѣсколько минутъ преклонялся предъ папою, цѣловалъ у него ноги, нерѣдко самъ избирался въ папы и долженъ былъ самъ принимать цѣлованiе и поклоненiе отъ другихъ...

Даже самая крупная догматическая разность Католической церкви, именно—прибавленiе къ символу вѣры слова: filioque, носитъ тотъ же характеръ практическихъ соображенiй о централизацiи, или объ единенiи вѣрующихъ подъ одною главою папы. Стоитъ только обратить вниманiе на происхожденiе

этой разности и мы легко убѣдимся въ этомъ. Вотъ какъ сами Католики разсказываютъ объ этомъ прибавленіи: „когда въ половинѣ V столѣтія аріанскіе Вестъ—готы въ Испаніи отреклись отъ своей безумной мечты, будто Сынъ не равно—истинный Богъ, какъ и Отецъ, и возвратились къ Католической церкви: то Испанскіе епископы, чтобы защитить правовѣрныхъ отъ заблужденія, нашли необходимымъ изобразить единосущіе Сына съ Отцемъ тѣмъ, что въ исповѣданіе вѣры внесли слова: *„и отъ Сына* (исходящаго).“ Изъ Испаніи это прибавленіе перешло во Францію и, наконецъ, отсюда въ Римъ, гдѣ папа Павелъ III и внесъ его въ исповѣданіе вѣры (*) *для единообразія* (у Шмидта, см. стр. 6 четверт. выпуск. 1855 г.) Потомъ, и самый новоизобрѣтенный догматъ о непорочномъ зачатіи Богоматери проникнутъ тѣмъ же практическимъ характеромъ. Съ точки зрѣнія католицизма для Богоматери было мало земной чести—признанія ея святымъ человѣкомъ. Пій IX захотѣлъ придать ей небесное происхожденіе, небесное достоинство, и—это не безъ цѣли! Въ самомъ дѣлѣ, если Богородица свята и непорочна, разсуждалъ папа, то, стало быть, всѣ ея заслуги могутъ въ изобиліи вмѣняться другимъ,—стало быть, и ходатайства ея на небѣ, естественно, должны быть дѣйствительнѣе, и т. д., цѣлый рядъ силлогизмовъ, построенныхъ Піемъ IX съ тою цѣлію, чтобы дока-

---

(*) Когда допущено *въ самомъ Римѣ* употребленіе символа *съ прибавленіемъ* filioque—съ точностію не извѣстно. См. Догм. Бог. А. Макар. изд. 1868 г. стр. 260. *Редакторъ*.

зать, что при святости и обиліи заслугъ Христа и Богородицы вѣрующіе Католики легко могутъ быть оправданы и введены въ царство вѣчнаго блаженства, но, разумѣется, не иначе, какъ при посредствѣ папскихъ индульгенцій и т. под....

Наконецъ, съ тою же цѣлію обезличенія вѣрующихъ Католичество запрещаетъ имъ читать и даже имѣть святую книгу Библіи и разсуждать о предметахъ своего спасенія. Кажется, чего бы и пожелать христіанину, какъ не усердія къ чтенію той книги, которая говоритъ ему о божественной любви Спасителя, принесшаго себя въ жертву за грѣхи людей, и возвратившаго ему небесное отечество,—о чемъ, кажется, болѣе спасительно и разсуждать, какъ не о священныхъ предметахъ вѣры??!! Но Католичество положило, что папа и все вообще духовенство есть первое и послѣднее слово въ дѣлѣ вѣры,—оно знаетъ, что нужно каждому вѣрующему и какою дорогою всего безопаснѣе вести его ко спасенію; стало быть, къ чему же католику читать мертвую букву Библіи, когда онъ можетъ слышать живое свово своего клира и папы,—къ чему же разсуждать о священныхъ предметахъ вѣры, когда только папа и духовенство владѣетъ даромъ непогрѣшимаго проповѣданія въ этой области, безусловно недоступной для простыхъ мірянъ?!?! Стало быть, католику приходится отрѣчься отъ всякаго проявленія своей личности и, безусловно подчинившись церковному деспотизму, только заискивающимъ взоромъ смотрѣть въ руки клира и папы и всего спасенія своего ждать только отъ ихъ

безграничнаго усмотрѣнія. И надобно замѣтить, что это обезличеніе вѣрующихъ проявляющееся въ лишеніи ихъ права читать библію и размышлять о предметахъ вѣры, проводится въ католичествѣ слишкомъ строго и послѣдовательно! Такъ не далѣе, какъ въ 1861 году въ Испаніи члены совѣта осудили на 7 и 9 лѣтъ каторжной работы нѣсколько человѣкъ за то только, что они были уличены въ обладаніи библіи, или просто въ чтеніи святой книги (*). А если заглянемъ въ средніе вѣка: то предъ нашими глазами встаетъ печальный образъ Толедскаго архіепископа Карранса, который цѣлыхъ 17 лѣтъ томился въ тюрмѣ инквизиціи и даже умеръ тамъ за то одно, что онъ, какъ было доказано и отъ чего самъ не отказывался, дозволилъ народу читать библію, переведенную на Кастильскій (Испанскій) языкъ (**). Кромѣ того, извѣстно, что, когда въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія Гермесъ хотѣлъ придти къ научному убѣжденію въ истинѣ католицизма путемъ отрицательнымъ, начиная съ сомнѣнія во всякой истинѣ, а не съ положительнаго признанія папскаго авторитета, онъ былъ отлученъ отъ церкви и вся его школа признана еретическою. Подобная попытка и Гинтера имѣла такой же результатъ (***).

(*) Русское Слово за 1862 годъ, кн. 1 отд. Политики, стр. 22.

(**) Православное Обозрѣніе за 1864 г. мц. Январь въ ст. Кустодіева.

(***) Духъ христіанина за 1862—1863 г. Февр. стр. 481.

Впрочемъ, католичество, оставаясь последовательнымъ своимъ главнымъ принципамъ, преследуетъ и всякую вообще попытку самостоятельнаго изследованія, хотя бы то было и въ области чисто опытныхъ знаній, считая эти изследованія какъ бы хулою на святой авторитетъ папской непогрешимости. Мы думаемъ, что слишкомъ известенъ процессъ надъ знаменитымъ Галилеемъ, который за свое открытіе въ области астрономіи былъ заключенъ въ тюрьму и после многолетняго въ ней заключенія, принужденъ былъ, наконецъ, обремененный летами уступить требованіямъ инквизиторовъ и отречься отъ своего открытія. Думаемъ, что наши читатели не забыли такъ же и того, какъ недавно папа выдалъ *три диплома на званіе медиковъ* тремъ молодымъ людямъ, никогда не учившимся ни одной науке и незнающимъ ровно ничего, кроме искуства пользоваться протекціей одного Кардинала, хорошо принятаго при папскомъ дворе (*)....

Вотъ почти все особенности католичества, обезличивающія религіозно—нравственную сторону верующихъ!—Посмотримъ теперь на последствія, какія отсюда должны происходить для отношеній міранъ къ духовенству и духовенства къ мірянамъ и вообще для всей нравственной деятельности верующаго.

П. Озерецкій.

(Продолженіе будетъ).

(*) Русское Слово за 1863 годъ, мц. Окт. отд. Политики, стр. 3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышли изъ печати 7 и 8 книжки чтеній въ О. Л. Д. Просвѣщенія. Содержаніе ихъ слѣдующее: *Книга 7-я*: *отд. I*. 1., Пророч. книги В. Зав.—изъ академическихъ чтеній Филарета Митр. Московскаго; 2., Исторія (порожденія) небесъ и земли: 6., Грѣхопаденіе (опытъ истолкованія 3 гл. кн. Бытія). Н. Е. 3., Замѣчанія на текстъ псалтири по переводу LXX. и Славянскому Св. М. Боголюбскаго; 4., Св. Благ. Князь М. Черниг. и бояринъ его Θеодоръ. *отд. II*. Церк. хроника. Болгарскій церковный вопросъ. П. М. заграничныя извѣстія. С. J. Н. *Отд. III*. Свѣдѣнія для составителей церков. лѣтописей. С. М. Б.—*Книга 8-я*. *отд. I*. 1., Св. Ев. отъ Луки. Православное, критико-екзегетическое изслѣдованіе противъ Ф. Х. Баура. А. Полотебнова. 2., Ап. Павелъ, какъ свидѣтель истинности Еванг. исторіи. Б—ва; 3., имѣла ли языческая древность истинныя понятія о происхожденіи міра? А. Лебедева 4., Краткій очеркъ исторіи подлиннаго В. З. текста. Н. Е. *Отд. II*. Церк. хроника. Вопросъ объ единовѣріи въ Петербур. отдѣлѣ Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. Чтеніе Т. И. Филиппова; замѣчанія, высказанныя прот. І. В. Васильевымъ, Профес. Чистовичемъ и Чельцовымъ. Рѣчь Проф. И. Θ. Нильскаго; заграничныя извѣстія. Р. Извѣстія изъ англійскихъ газетъ. С. J. Н. Библіографія. Замѣтка о сочиненіи г. Алоизія Пихлера: исторія раздѣленія церквей. I К—та.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Редакторъ: Ректоръ Пенз. Семинаріи, Архимандритъ **Сумеонъ.**

Дозволено цензурою. Пенза. 1873 года Октября 15 дня.

Цензоръ: учитель семинаріи священникъ М. Шестаковъ.—

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи